

Несколько секунд оно просто висело на месте, пока я смотрел на него, и каждый раз, когда флаг двигался, я слышал что-то похожее на звон колокольчика. Он был далеко, на грани моего слуха.

«Этот покемон случайно не был Чимечо?»

Да! Я думаю, это название. Очевидно, они были родом из Хоенна, хотя большинство из них переселилось в Джохто, и они неплохо маскировались, выглядя так же, как ветряные колокольчики, которые они там использовали.

Я спросил священника, в чем дело, и он рассказал мне, что куранты - это подарок от нашего начальства из Лаванды. Еще раз широко улыбнувшись, он объяснил, что это как раз то, что нужно хору, как будто этого было достаточно для объяснения. Очевидно, я должен был держать эту... штуку рядом, пока мы репетировали и выступали, и она должна была как-то помочь.

Признаюсь, я был настроен скептически. Мне не нравилось, что он просто висел, никуда не смотрел и не издавал никаких звуков. Я также с подозрением относился к поведению пастора, но не мог же я просто так взять и затронуть эту тему? Насколько я знал, он устал и был искренне рад, что может предложить что-то хору. Поэтому, как уже не раз бывало, я поблагодарил его и последовал его совету. Он еще никогда не разочаровывал меня, так какая у меня была причина отказываться?

«Этот малыш превратит хор в идеальную, хорошо отлаженную музыкальную машину», - помню, как он говорил, слегка расфокусировав глаза. «Он покажет вам, что такое резонанс».

[Впервые я вижу, как в глазах Горация промелькнуло что-то похожее на гнев. Он откидывает плечи назад, а его пальцы крепко сцепляются].

Резонанс... Я должен был знать тогда. Я должен был схватить этого уродливого покемона за голову и разбить его молотком. Я лежал на кровати в ту ночь и чувствовал, как страх тянет меня вниз. Последнее, что я услышал перед тем, как заснуть, был звон колокольчика - такой далекий, что я даже не был уверен, что он настоящий.

На следующий день я проснулся, как обычно, съел хлопья с молоком и пошел в церковь, где, как обычно, увидел своих учеников, ожидающих у ворот. Я почти забыл о проклятом покемоне, пока мы не вошли внутрь.

Никто из моих учеников не обратил на него внимания, потому что он висел над местом, где мы занимались, рядом с другими маленькими колокольчиками, украшавшими потолок. Он даже не мигал, а плакат под ним шевелился только тогда, когда ветер проникал через двери и окна. Я посмотрел на него и почувствовал яму в животе, но решил пока не обращать на это внимания. Я велел всем разойтись по своим местам, и мы начали практиковаться.

[Он поднимает одну руку к голове, большой палец прижат к среднему].

Не заметить перемен было невозможно. Их голоса и каденции остались прежними, но синхронность их пения - то, над чем мы хотели поработать больше, поскольку это было их самой большой слабостью, - в тот момент не могла быть более совершенной.

[Он начинает щелкать пальцами, раз в секунду. Его синхронность безупречна].

Это не то, с чем вы рождаетесь, это не имеет ничего общего с талантом. Вы должны практиковаться каждый день, и это одна из самых трудных вещей для любого музыканта. А тут были эти дети, которые своим внезапным совершенством посрамили даже своего учителя. Я был, мягко говоря, ошеломлен.

Я спросил, занимались ли они, и большинство из них с улыбкой ответили, что да. Похоже, они не заметили перемен так же, как и я, так же как не заметили покемона, висящего над ними. В этот момент мне не хотелось поднимать эти две темы, поэтому я не стал этого делать. Я просто похвалил их и продолжил репетицию.

«Думаешь, в их улучшении виноват чимечо?»

Это было единственное объяснение, которое имело смысл. Я тогда не знал, что эта штука может делать, просто подумал... ну, может быть, колокол, который был у нее вместо головы, и звук, который она издавала, имели к этому какое-то отношение.

В следующее воскресенье мы как обычно пели песни во время и после проповеди. Дети были так же безупречны, как и во время репетиции, хотя я подозревал, что мало кто обратит на это внимание, ведь темп - это не то, что обычно замечают нормальные люди. Но я помню, что нас хвалили больше, чем обычно, а некоторые родители, забирая детей, сияли и даже поздравляли меня с отличным преподаванием. Впервые в жизни комплимент смутил меня.

«Продолжали ли дети совершенствоваться после того дня?»

И да, и нет. Как я уже сказал, их скорость стала идеальной, а совершенство невозможно улучшить. Но были и другие изменения. Более тонкие, настолько, что в какой-то момент я совсем забыл о покемоне, который теперь висел под потолком нашей церкви, всегда неподвижный.

Дети стали дружелюбнее друг к другу. Я знаю, я уже говорил, что они любят друг друга, но даже тогда невозможно собрать такую большую группу молодых людей в одной комнате и не поссориться или не похихикать, не так ли? Ну... уже нет. Марселин, благослови ее сердце, всегда жаловалась, что мальчики не могут достичь такого же высокого уровня, как она, но сейчас она ничего не говорила об этом. Эйвери больше не шутил, и даже Салли не была такой соперницей.

Казалось, они понимали друг друга. Как будто они были синхронизированы не только в музыке и темпе, но и вне тренировок и в собственной жизни.

«Это повлияло на тебя?»

Не так сильно, как должно было бы. Но это не единственное изменение, оно было более очевидным.

Тот звук, о котором я говорил ранее... как будто ветер тихонько шелестит в колокольчиках, почти слишком далеко, чтобы услышать. Я слышал его не всегда, только когда мой разум был чист или когда я закрывал глаза, чтобы сосредоточиться. Он был настолько слабым, что долгое время я думал, что это слуховая галлюцинация. Каждый раз, когда я прижимал ухо к мягкой подушке, каждый раз, когда билось мое сердце... это немного сводило с ума.

Через несколько недель я начал всерьез задумываться о том, что что-то не так, и сказал об этом пастору. Я был не очень рад, что несу такую необоснованную чушь человеку, который меня учил, но он, похоже, ничуть не возражал. Я рассказал ему о звуке курантов и внезапном улучшении состояния детей, а также о том, что подозреваю, что это может быть связано с появлением покемона, которого он мне подарил.

Он рассмеялся, как это обычно бывало, и похлопал меня по плечу. Затем он предложил мне чашку бренди и сказал, что беспокоиться не о чем, что Чимечо лишь хотел помочь нам расти и развиваться в музыкальном плане, а я слишком много думаю. Его глаза были бледными и мутными, и он казался немного не в себе. Я не стал поднимать эту тему, потому что боялся, что мне это показалось.

Я поблагодарил его за то, что выслушал, и уже собирался уходить, когда он сказал нечто такое, что заставило меня остановиться:

«Резонанс ваших студентов развивается замечательно. Я верю, что они послужат примером, первым шагом для многих, многих других».

Я испугался, не буду врать. Чтобы человек, на которого я так равнялся, улыбнулся этой ужасной улыбкой, когда он произносил эти слова... Я ведь не мог знать, правда? Как можно на основании нескольких недель странного поведения и странного покемона сделать вывод, что... он был под влиянием...

[Он проводит рукой по лицу, словно пытаясь прихлопнуть надоедливую муху. Его лоб и щеки становятся почти алыми].

Оправдания, оправдания. Я испугался, и на этом все закончилось. Я просто хотел притвориться, что все в порядке, полагаю.

«В том, что случилось, нет твоей вины, Гораций. Ты не первый, кого они одурачили».

Очень мило с вашей стороны, мисс Тюлип. Мне жаль, что я так прерываю интервью.

«Нет проблем. Берите столько времени, сколько вам нужно.

Ну... не так много времени сейчас и не так много времени тогда. Я бы хотела сказать, что у меня было достаточно времени, чтобы вернуться к делам до того, как все пошло наперекосяк, но... Я не успел. Это случилось три дня спустя, на следующей тренировке.

<http://tl.rulate.ru/book/115544/4520954>